В.А. Кучкин, д.и.н., Москва

ВЕЛИКОКНЯЖЕСКАЯ ПЕЧАТЬ С ДВУГЛАВЫМ ОРЛОМ ГРАМОТЫ 1497 г.

Меновная княжеская грамота 1497 г. со скреплявшей ее крупной, диаметром 40 мм, красновосковой печатью Ивана III, на лицевой стороне которой был изображен всадник, поражающий копьем рептилию, а на оборотной стороне - будущий герб России двуглавый орел, с двусторонней круговой легендой, содержавшей титул Ивана III, была обнаружена 230 лет назад. В 1767 г. среди бумаг Московского архива Коллегии иностранных дел (МАКИД) ее нашел Н.Н. Бантыш-Каменский. В «Реэстр старинным великих князей грамотам с 1256 по 1585 год» он внес ее под № 139 и охарактеризовал следующим образом: 7005/1497 года месяца июля. Запись великого князя Ивана Василиевича, данная племянникам его князю Федору и князю Ивану Борисовичам о промене и размежевании своих городов Буи и Колпа с волостми на имеющияся у них в разных уездах селы и деревни за подписанием московского митрополита Симона. К сей грамоте привешены четыре восковые печати»[1]. Кратко раскрыв содержание грамоты, Н.Н. Бантыш-Каменский совершенно не описал печатей, не придав никакого исторического значения изображениям на скреплявшей этот документ печати Ивана III.

Впервые описание названной печати появилось несколько лет спустя. В апреле 1772 г. древнейшие русские грамоты (княжеские и Великого Новгорода) перешли на хранение от Н.Н. Бантыш-Каменского к М.Н. Соколовскому[2]. Если Н.Н. Бантыш-Каменский был палеографом и историком, то М.Н. Соколовский проявлял себя как сфрагист. Он внимательно изучал печати, и когда собрание древнейших грамот перешло к нему, то дополнил описание грамот своего предшественника описанием скреплявших эти грамоты булл. После написанного Н.Н. Бантыш-Каменским о грамоте № 139 текста М.Н. Соколовский сделал знак вставки, а на боковом поле приписал от себя продолжение последней фразы о четырех печатях: «великого князя, митрополичья и две князей волоцких. Первая на красном воску с изображением на одной стороне святаго Георгия, седящаго на коне и побеждающаго копием змия, с надписью вокруг: «Иоан божиею милостию господарь всеа Руси великий князь», а на другой стороне изображен двуглавый орел с двумя на главах коронами и с распростертыми крылами с надписью вокруг: «и велики княз влад. и мос. и нов. и пск. и тве. и уго. и вят. и пе. и бол.». Другая на черном воску с изображением на одной стороне образа богоматери с превечным младенцем, а на другой с надписью: «Божиею милостию смирены Симон митрополит всеа Руси». Третья с надписью вкруг фигуры: «Печать князя Федора Борисовича». Четвертая с надписью вкруг фигуры: «Печать княжо Иванова Борисовича»». Таким

образом, печать Ивана III на грамоте 1497 г. первоначально воспринималась как печать с изображением Георгия Победоносца на лицевой стороне и двуглавого орла с коронами на оборотной. Что касается надписи на печати, то ее следовало бы начинать не со слов «Иоан божиею милостию господарь», а словами «Великий князь Иоан божиею милостию господарь». Поскольку, став в 1772 г. хранителем древнейшего русского актового материала, М.Н. Соколовский получил в свое распоряжение прежние «Реэстры грамотам», составленные в свое время Н.Н. Бантыш-Каменским, и по этим «Реэстрам» проверял сохранность переданного ему материала, дополняя описания грамот описаниями печатей, следует полагать, что такие дополнения были сделаны М.Н. Соколовским в том же 1772 г. Этот год и следует признать самой ранней датой описания знаменитой печати.

В 1788 г. меновная грамота 1497 г. была опубликована, причем опубликована дважды. Но если Н.И. Новиков во втором издании своей «Древней российской вифлиофики» сообщил весьма скупые сведения как о самой грамоте, так и о скреплявших грамоту буллах[3], восходящие к описанию грамоты 1767 г. Н.Н. Бантыш-Каменского, то санктпетербургский издатель «Продолжения древней российской вифлиофики» С.Я. Румовский, пользовавшийся присылаемыми ему из Москвы материалами тогдашнего сотрудника МАКИД И.М. Стриттера, традиционно озаглавив меновную грамоту «записью», дал весьма подробное описание привешенных к грамоте печатей: «К сей записи четыре печати привешены: *первая* большая из краснаго воску, на красном шелковом снурке висящая, у которой на одной стороне изображен ездок, копьем змею побеждающий, с надписью: *великий кн. Иоанн божиею милостию господарь всеа Руси*, а на другой двойный орел с разпущенными крыльями, с двумя надголовными коронами и с надписью: *и великы нязь * влад. и мое. инов. * и пск. и тве. и уго. и вят. и пе. и бол. Вторая* из чернаго воску, на черном же шелковом снурке висящая, двойная же, на одной стороне видна пресв. богородица, на престоле сидящая, с предвечным младенцем, на другой стороне надпись: *божиею милостию смирены Симон митрополит всея Руси. Третия* из чернаго воску, на голубом шелковом снурке висящая, на которой изображены два мужа, на голове держащие ботик, как кажется, с сидящими на оном людьми, над воротами, в которых виден столп; а надпись на оной: *печать князя Федора Борисовича. Четвертая* из чернаго воску, на голубом шелковом снурке висящая, на которой изображен ботик же с сидящими на оном людьми, над которым ковчег с голубем на оном, и с ангелом, на стороне носящимся, с надписью: *печать княж Иванова Борисовича*»[4]. Таким образом, в 1788 г. С.Я. Румовским по сравнению с М.Н. Соколовским была дана иная интерпретация изображения на лицевой стороне печати 1497 г.: поражающий копьем змея всадник был признан не святым Георгием, а аллегорическим ездоком. О возможных причинах изменения ученого мнения относительно изображения на лицевой стороне печати 1497 г. речь пойдет ниже.

Если архивисты и публикаторы XVIII столетия добросовестно зафиксировали появление во времена Ивана III двуглавого орла на его печати, то современные им историки не обратили на данный факт никакого внимания и не придали ему должного значения. Так, М.М. Щербатов, давая подробную характеристику Ивану III, совершенно не затронул вопроса о появлении в годы правления этого князя новой государственной эмблемы - двуглавого орла[5]. А характеризуя три грамоты 1497-1504 гг. Ивана III, к которым были привешены его большие красновосковые печати с изображением всадника и двуглавого орла, М.М. Щербатов даже не сообщил о рисунках на этих печатях[6]. Интерес к изображению двуглавого орла на печатях Ивана III был проявлен только в XIX в. Первым на него обратил внимание в VI томе своей «Истории государства Российского» Н.М. Карамзин.

Касаясь изображений на печати 1497 г., Н.М. Карамзин находил их новыми. По его мнению, «вел. князь начал употреблять сей герб с 1497 года; до 1472 на печати его изображались ангел, держащий в руке кольцо, и человек с обнаженным кинжалом; а с сего времени до 1497 г. лев, терзающий змею: работа греческая и, как вероятно, подарок Софиин»[7]. Однако и герб 1497 г., по мысли историографа, был принят под влиянием греков. «Иоанн, - писал Н.М. Карамзин, - по свойству с царями греческими, принял и герб их, орла двуглавого, соединив его на своей печати с московским: то есть на одной стороне изображался орел, а на другой всадник, попирающий дракона, с надписью: «*великий князь, божиею милостию господарь всея Руси*»[8]. Византийские корни изображений Н.М. Карамзин никак не обосновывал, не объяснял, почему изображение двуглавого орла помещалось не на лицевой, а на оборотной стороне печати, не приводил доказательств будто бы типично московского изображения всадника, видимо, механически перенося в XV в. представления своего времени, когда на гербе Москвы изображался Св. Георгий, но важно, что историограф говорил именно о всаднике на печати 1497 г., причем попирающего не змея, а дракона.

Работу над VI томом своей «Истории» Н.М. Карамзин закончил в начале 1812 г.[9], на исходе успешной для России войны с Турцией. Возможно, современные историографу события и побудили его писать о якобы заимствованном еще в конце XV в. из закончившей свое существование Византийской империи русском государственном гербе и тем самым намекать на некие исторические права российских императоров на наследие Византии, в том числе ее территорию, однако твердых аргументов в обоснование высказанных положений Н.М. Карамзин привести не сумел.

Тем не менее его мнение о заимствовании герба из Византии настолько удачно слилось с идеями о несомненном влиянии византийской государственности на русскую и реальными политическими притязаниями Российской империи на Константинополь и проливы, что превратилось в аксиому как для ученых-историков, так и для образованных кругов общества, на протяжении всего XIX в. и начала XX в. став единственным объяснением происхождения русского двуглавого орла[10]. Даже такой крупный

знаток сфрагистики, как Н.П. Лихачев, утверждал, что двуглавый орел на печати 1497 г. Ивана III появился в результате заимствования с печатей родственников Софьи Палеолог и означал претензии великого князя всея Руси на наследие византийских монархов. Однако внешнее оформление печати (круговая легенда с полным титулом Ивана III) повторяло западноевропейские образцы. Принятие такого титула московским великим князем и само появление печати стали, по мнению Н.П. Лихачева, результатом посещения Москвы посольством императора Священной Римской империи Фридриха III Габсбурга в 1489 г.[11]

Сомнения в византийском происхождении русского двуглавого орла стали высказываться во второй половине XX в. К.В. Базилевич, внимательно исследовавший внешнюю политику Ивана III, пришел к заключению, что реальное воздействие на нее приехавшей в Москву в 1472 г. Софьи Палеолог было весьма и весьма скромным. Иван III в дипломатических документах никогда не заявлял себя наследником византийских императоров, не вступал в конфликты на этой почве с турецким султаном, в русской публицистике последней четверти XV в. отсутствовали утверждения о преемстве власти московского великого князя и Палеологов. Даже влияние на быт московского двора Софьи и ее греческого окружения было слабым. К.В. Базилевич выяснил, что приписывавшиеся историографией XIX в. греческой деспине введение в Москве пышных дворцовых церемоний, появление новых придворных чинов, принятие нового герба - двуглавого орла, спорадического применения Иваном III нового титула «царь» или не подтверждаются источниками, или имеют более раннее происхождение. Впрочем, относительно герба К.В. Базилевич писал, что этот вопрос разрешить труднее, поскольку ясных документальных свидетельств о византийском или каком-либо ином происхождении русского двуглавого орла нет. В то же время ученый отмечал, что эмблема двуглавого орла была известна на Руси в XIV-XV вв. по изображениям на русских подражаниях монетам Золотой Орды и на монетах Тверского княжества[12].

В 1966 г. американский исследователь Густав Алеф опубликовал статью, имевшую подзаголовок «Несогласный взгляд», в которой вопреки установившейся научной традиции показал типологическое сходство двуглавого орла на печати Ивана III 1497 г. с двуглавым орлом на печатях Габсбургов[13]. Алеф не видел печати 1497 г., он основывался на ее воспроизведении в издании 1813 г.[14], приблизительном и неточном, не изучал других печатей того же типа, детально не исследовал всех модификаций титула Ивана III в 80-90 гг. XV столетия, не установил точного времени появления печати и смысла ее оформления, однако в изучении печати 1497 г. начался новый период, и «несогласный взгляд» Г. Алефа оказался правильным.

Его поддержали немецкий исследователь М. Хеллманн[15] и некоторым образом российская исследовательница Н.А. Соболева. Последняя посвятила печати 1497 г. специальный раздел в заключительной главе своей монографии о русских средневековых печатях[16]. В явную заслугу Н.А. Со-

болевой следует поставить составленный ею перечень сохранившихся и упоминаемых в документах экземпляров печатей 1497 г., хотя перечень этот и может быть пополнен[17]. Что же касается изучения самой печати 1497 г., то здесь ученая скорее ограничилась сопоставлением различных точек зрения о происхождении изображений на печати, чем конкретным анализом последних. Следование за мнениями специалистов, писавших о печати до 1991 г., привело исследовательницу к ряду не вполне строгих заключений. Так, соглашаясь с Г. Алефом в том, что помещение на печати Ивана III двуглавого орла произошло под влиянием сфрагистических традиций дома Габсбургов, Н.А. Соболева одновременно пишет о том, что наблюдается иконографическое сходство двуглавого орла на печати 1497 г. с эмблемой двуглавого орла памятников Морей, родины Софьи Палеолог, которое «(во всяком случае, это сходство больше, чем с габсбургским орлом), позволяет предположить, что он является прототипом фигуры первой русской государственной печати»[18]. К сожалению, исследовательница не показала, какие же конкретно элементы русской эмблемы ближе к морейскому, а не к габсбургскому изображению орла. Несколько странным при предложенном объяснении начинает выглядеть и то обстоятельство, что оформляя русскую печать по западноевропейскому образцу, некий мастер-гравер почему-то не обратил внимания на двуглавых орлов, имевшихся на печатях государей Европы, а воспользовался подобными изображениями на морейских церковных мозаиках и книжных миниатюрах. Правильно указывая, что на лицевой стороне печати 1497 г. выгравирован вооруженный всадник, олицетворяющий государя, Н.А. Соболева тем не менее сближает его с конными изображениями Св. Георгия[19].

Сравнивая титулы Ивана III на печати и в дипломатических документах, исследовательница пришла к справедливому и весьма важному заключению, что титул на булле не идентичен, хотя и очень близок титулу в русских дипломатических грамотах 1487 и 1489 гг. Казалось, следовало установить, существуют ли документы, в которых титул Ивана III полностью соответствовал бы титулу на его печати 1497 г., и если существуют, то с какого времени и кому предназначены. Однако автор монографии о русских средневековых печатях уклонилась от выяснения этого вопроса, осторожно заметив, что Н.П. Лихачев, видимо, был прав, относя появление печати рассматриваемого типа к 1489 г.[20]

В 90-е г. к изучению печати 1497 г. обратилась А.Л. Хорошкевич. Ее работы носят полупопулярный характер и, вероятно, поэтому исследовательница не утруждает себя точными суждениями и аккуратными ссылками. В брошюре 1993 г., сравнивая изображения двуглавого орла на печати 1497 г. и печатях Габсбургов, А.Л. Хорошкевич пишет следующее: «Двуглавого орла как государственный герб принял Фридрих III, отец того императора Максимилиана, с которым имел дипломатические контакты Иван III. Это произошло в 1442 г. На лицевой стороне его печати - тронное изображение императора с регалиями, а на обороте - двуглавый орел. Такое же расположение изображений на печати Ивана III 1497 г.»[21] Но на лице-

вой стороне печати 1497 г. изображен вовсе не сидящий на троне император, а всадник. К тому же как на печати 1442 г. Фридриха III мог быть изображен император, если этот правитель стал императором в 1452 г.? Двуглавый орел появляется на печатях Габсбургов не при Фридрихе III, а при его предшественнике, представителе другой ветви Габсбургов императоре Сигизмунде[22]. Иван III имел дипломатические контакты не только с императором Максимилианом I, но и с его отцом Фридрихом III. Именно переговоры с последним и привели, по мнению ряда исследователей, к появлению русской великокняжеской буллы, аналогичной печати меновной грамоты 1497 г.

Если приведенное выше описание А.Л. Хорошкевич печати 1497 г. может свидетельствовать о том, что исследовательница до 1993 г. никогда не видела оригинала, то к 1997 г. такое знакомство состоялось. А.Л. Хорошкевич даже издала эту печать. Фотография настолько качественна, что на снимке легко различаются буквы легенды. Но хотя там ясно читаются начальные буквы имени «Ио... «(далее печать имеет довольно значительную механическую утрату), булла представлена как «печать Василия III 1523 г.», причем оборотная сторона объявлена лицевой, а лицевая - оборотной[23]. Кажется, это рекорд ошибочной интерпретации источника, который превзойти невозможно даже теоретически.

Впрочем, и общий подход А.Л. Хорошкевич к анализу эмблем русского средневекового сфрагистического и нумизматического материала не может быть признан плодотворным. Автор рассуждает об изображениях всадников, двуглавых орлов крайне абстрактно, без детального разбора элементов эмблем, наивно объединяя в одну группу изображения всадников - святых на русских печатях XIII в. и всадников - правителей на западноевропейских печатях XI-XV вв., вообще всадников на русских печатях и монетах XIV-XV столетий только потому, что изображены сидящие на конях люди, и пытается на столь аморфной основе выявить генезис печати определенного типа. Те же операции проводятся и с изображениями двуглавого орла. Во внимание не принимаются особенности рисунков голов птиц, клювов, крыльев, перьев и других элементов. Понятно, что применяя подобную методику исследования, А.Л. Хорошкевич не в состоянии придти к определенным выводам. Указав на пять обсуждаемых в науке путей проникновения в Москву Ивана III двуглавого орла (из Византии, южнославянских стран, Священной Римской империи, Золотой Орды или Тверского княжества), исследовательница вынуждена была констатировать: «И в конечном итоге не так существенно, каким ветром занесло двуглавого орла на Русь Ивана III - западным, юго-западным, с остановкой в Твери, Морее, Крыму или без нее, важно другое: в оформлении своей государственной символики Русь пользовалась тем изображением, которое наилучшим образом в тот период выражало идею ее государственности»[24]. Таким образом, объективное, научное изучение вопроса о происхождении русского государственного герба оказывается нереализованным. Оно подменяется прокламационным заявлением о наилучшем использовании симво-

лики правительством Ивана III, в котором качественные характеристики опять-таки не доказываются, а декларируются.

Пыталась А.Л. Хорошкевич проанализировать и помещенный на печати 1497 г. титул Ивана III. Но ограничившись почему-то анализом лишь той его части, которая занимает лицевую сторону печати, пришла к неверным заключениям относительно возможного времени изготовления рассматриваемой буллы[25].

Изменение титулатуры Ивана III было прослежено в последнее время А.В. Лаушкиным. Автор собрал большой материал по данному вопросу и показал, как в зависимости от разных политических обстоятельств менялась титулатура московского великого князя[26]. Такая причинная связь установлена еще учеными XIX в., но А.В. Лаушкину удалось выяснить, когда именно происходило то или иное изменение в титулатуре Ивана III. В частности, автор указал на точную дату появления в документальных материалах того титула, который был воспроизведен на великокняжеской печати 1497 г.

К сожалению, добротное в целом исследование А.В. Лаушкина не касается двух достаточно серьезных вопросов. Автор счел ненужным давать видовую характеристику тех документальных источников, в которых фигурировал тот или иной титул Ивана III. А это представляется важным, поскольку, например, международные договоры оформлялись иначе, чем посольские подорожные грамоты. В них титулы московского великого князя были разные. Во-вторых, именно время Ивана III, от которого сохранилось значительно большее количество и разновидностей документальных источников, чем от эпохи, например, его деда или отца, показывает, что единого титула, одинаково употребительного как в актах внутреннего, в рамках Русского государства, предназначения, так и в документах внешнеполитических, у государя всея Руси в последней четверти XV - начале XVI в. еще не было.

В этом отношении показательно различное титулование Ивана III в грамотах, написанных примерно в одно время, но адресованных разным лицам. Особенно красноречивы документы дипломатические. 20 марта 1489 г. датирована верительная грамота посла Ивана III к королю Польскому и великому князю Литовскому Казимиру IV М.С. Еропкина, в которой Иван III титулуется очень скромно: «Отъ великого князя Ивана Васильевича»[27]. Через два дня, 22 марта 1489 г., русскому послу Юрию Траханиоту к императору Священной Римской империи Фридриху III Габсбургу было вручено официальное послание русского правительства к императору, в котором Иван III титуловался как «Иоаннъ, божиею милостию великий государь всеа Руси, Володимерский, и Московский, и Новогородский, и Псковский, и Тферский, и Югорский, и Вятский, и Пермский и иныхъ»[28]. Точно так же он титуловался и в дипломатическом послании от того же 22 марта 1489 г. к сыну Фридриха, будущему императору Максимилиану [29], и в верительной грамоте, адресованной к этим правителям Священной Римской империи[30]. Одновременно в написанных в один день с веритель-

ной грамотой и дипломатическими посланиями к императору Фридриху III и его сыну подорожных грамотах, данных посольству Юрия Траханиота и адресованных бургомистрам и ратманам Любека, Колывани (Таллинна) и Ругодива (Нарвы), Иван III титуловался несколько иначе: «Иоаннъ, божиею милостию великий государь, царь всеа Русии, Володимерский, и Московский, и Новогородский, и Псковский, и Тферский, и Югорский, и Вятский, и Пермский и иных»[31]. Для властей различных городов, политическое значение которых не шло ни в какое сравнение с ролью императора Священной Римской империи, титул Ивана III был изменен, стал более пышным, там появилось новое слово - «царь». Однако в грамоте, отправленной 6 сентября 1489 г. крымскому хану Менгли-Гирею, царем титуловался не Иван III, а крымский хан: «Брату моему Менли-Гирею царю велики князь Иван челом бьет»[32]. В данном случае Иван III сохранял за собой только титул великого князя.

В то же время в документах внутреннего назначения титул Ивана III был иным. Так, в договорных грамотах Ивана III с тверским великим князем Михаилом Борисовичем около 1484-1485 гг., со своими родными братьями Борисом Васильевичем Волоцким от 20 августа 1486 г. и Андреем Васильевичем Углицким от 30 ноября 1486 г., хронологически наиболее близких к рассмотренным выше внешнеполитическим документам, Иван III титуловался «великим князем всея Руси»[33]. Тот же титул «великий князь всея Руси» встречается в жалованной грамоте Ивана III от сентября 1488 г. Кирилло-Белозерскому монастырю на села и деревни в Белоозере[34], его указной грамоте с прочетом вологодским наместникам, датируемой 1489/1490 г.[35], указной грамоте с прочетом от февраля 1490 г. волостелю Соли Переяславской[36]. Совершенно очевидно, что вопреки утверждениям многочисленных исследователей о постепенном изменении титула Ивана III и существовании в определенные периоды только одного титула московского великого князя, приведенный материал свидетельствует о том, что в одно и то же время употреблялись совершенно различные титулы Ивана III. Если до сих пор остаются справедливыми слова В.О. Ключевского о том, что изменения в великокняжеском титуле - «это целая политическая программа, характеризующая не столько действительное, сколько искомое положение»[37], т.е. такие изменения преследовали кроме политических еще и идеологические цели, то нужно сказать, что теперь следовало бы говорить не об одной, а о нескольких политических программах одновременно, имевших разное адресное назначение. Не определяя сейчас причин данного явления, просто констатируя его как несомненный факт, следует подчеркнуть то обстоятельство, что подобная ситуация позволяет гораздо точнее заключать, когда и для чего изготовлялись разнообразные печати Ивана III с его различными титулами, соответствовавшими употребляемым в документах того или иного предназначения.

Сделанные историографические замечания, касающиеся подходов и методик изучения печати 1497 г., позволяют наметить новые приемы ис-

следования этого памятника и прийти к уточняющим выводам о его происхождении, времени и обстоятельствах появления, символике печати и ее интерпретации.

Рассмотрение буллы следует начать с характеристики материала, из которого она изготовлена. Это воск красного цвета. Проведенный Н.А. Соболевой анализ сохранившихся русских восковых печатей XIV - начала XVI вв. показал, что печатями из красного воска пользовались исключительно великие князья московские: Василий Дмитриевич, Василий Васильевич, Иван Васильевич и его соправитель Василий Иванович[38]. Таким образом, печать 1497 г. уже по своему материалу должна быть признана великокняжеской.

Тот же вывод следует и из анализа помещенного на ней титула Ивана III: *велики кн[я]зь Иоанъ б[о]жиею милостию господарь всея Руси* (лицевая сторона) *и велик[ии] княз[ь] Влад[имирскии] и Мос[ковскии] и Нов[городскии] и Пск[овскии] и Тве[рскии] и Уго[рскии] и Вят[скии] и Пе[рмскии] и Бол[гарскии]* (оборотная сторона). В то же время приведенный титул содержит в себе и датирующие признаки. В научной литературе обычно рассматривается титул Ивана III на лицевой стороне печати. Строго говоря, речь должна идти о части полного титула Ивана III, которая содержала статус и имя носителя титула, указание на источник его власти и религиозное ее освящение, а также на само существо этой власти. В своей последней работе А.Л. Хорошкевич утверждает, что зафиксированный на печати 1497 г. великокняжеской титул появился после 14 марта 1484 г., поскольку именно тогда в титуле Ивана III впервые появились слова «божиею милостию». Отсюда возможное время появления печати - «между 1484 и 1497 гг., по Н.П. Лихачеву и В.К. Лукомскому - в 1489 году»[39]. Однако еще в 1980 г. Б.Н. Флоря указал на то, что слова «милостью божьею» в титуле Ивана III впервые встречаются в тексте договора 1474 г. Новгорода и Пскова с дерптским епископом[40]. Ранее сама А.Л. Хорошкевич, анализируя титул Ивана III в верительной грамоте от 19 августа 1487 г. русского посла Мануила Ралева, отправленного к миланскому герцогу Джан-Марии Галеаццо: «Божьею милостью великий господарь Русския земли великий князь Иван Васильевич Володимерски и Московски и Новгородски и Псковски и Тферски и Югорски и Вятски и Пермьски и иных всея Руси», полагала, что такой титул появился именно в 1487 г. и «это можно связать с покорением Казани, которому в Москве придавали очень серьезное значение»[41].

Такие колебания исследовательской мысли объясняются тем, что за основу анализа принимаются не самые показательные части полного титула Ивана III. Для датировки печати гораздо важнее характеристика территориальной (объектной) части титула Ивана III, вырезанной на оборотной стороне рассматриваемой печати. В частности, наличие в территориальной части этого титула указания на то, что Иван Васильевич является великим князем тверским, ведет ко времени после 12 сентября 1485 г., когда в ночь с 11 на 12 сентября 1485 г. из Твери бежал последний вели-

кий князь тверской династии Михаил Борисович, в город днем 12 сентября вошли московские войска и самостоятельность Тверского княжества была ликвидирована[42]. Следовательно, рассуждая теоретически, печать, подобная печати 1497 г., не могла появиться после 14 марта 1484 г., она могла появиться только после 12 сентября 1485 г. Такое заключение подкрепляется свидетельствами послания Ивана III правителю Кафы и Тамани, представителю известного итальянского рода Гвизольфи Захарию Скарье (Гуилу Гурсису) от 14 марта 1484 г., где территориальный титул московского правителя имеет следующий вид: «Володимерьски и Московски и Новгородски и Псковски и Югорьски и Вятски и Пермьски и иных»[43] и верительной грамоты Ивана III папе римскому Иннокентию VIII от 1485 г., в которой употреблен точно такой же территориальный титул Ивана Васильевича[44], т.е. без определения «и Тферскии». Но и дата 12 сентября 1485 г. не является тем нижним хронологическим пределом, когда могла быть изготовлена рассматриваемая печать.

Как уже отмечалось, в 1915 г. Н.П. Лихачев высказал мысль, что данная печать могла появиться только после 1489 г., поскольку в грамоте от 22 марта 1489 г. императору Священной Римской империи Фридриху III Габсбургу Иван III титуловался как «Иоанн, божиею милостию великий государь всеа Руси, Володимерский и Московский и Новогородский и Псковский и Тферский и Югорский и Вятский и Пермский и иных»[45]. Однако исследователь не обратил внимания на помещенную в том же издании копию более ранней грамоты от 29 июля 1488 г. Ивана III венгерскому королю Матиасу Корвину, в которой Иван III титуловался как «божиею милостию государь всеа Русии, великий князь Иван Васильевичь, Володимерский и Московский и Новогородцкий и Псковский и Тферский и Югорский и Вятский и Пермский и иных»[46]. Сделанное почти четверть столетия назад указание А.Л. Хорошкевич на русскую верительную грамоту от 19 августа 1487 г. миланскому герцогу Джан-Марии Галеаццо, содержащую точно такой же территориальный титул Ивана III, как будто отодвигает нижнюю хронологическую грань титула и, следовательно, рассматриваемой печати, к 1487 г.[47] Однако в территориальных титулах Ивана III в упомянутых грамотах от 19 августа 1487 г., 29 июля 1488 г. и 22 марта 1489 г. и в титуле на печати есть единственное, но существенное различие. После определения «Пермский», последнего в указанных грамотах, на печати добавлены два слова: «и Болгарский». Совершенно очевидно, что такое добавление появилось в титуле Ивана III после 22 марта 1489 г. Оно означало притязания московского великого князя на земли Казанского ханства, но официально такие притязания были заявлены не сразу после взятия московскими войсками 9 июля 1487 г. Казани и посажения там угодного Ивану III хана Мохаммед Аминя[48], как в свое время утверждала А.Л. Хорошкевич, исходя из априорной мысли, будто идеологические изменения должны сразу же следовать за военно-политическими[49], а спустя несколько лет.

Сохранившиеся источники позволяют установить, с какого именно времени начинает употребляться титул Ивана III с добавлением слов «и Бол-

гарский». В его послании от 6 сентября 1489 г. Захарию Скарье дополнения к титулу «и Болгарский» еще не было[50]. Данный титул впервые был включен, как правильно указал А.В. Лаушкин[51], в послание Ивана III королю римскому Максимилиану, сыну и соправителю Фридриха III, от 16 августа 1490 г.[52] С этого момента и до конца жизни Ивана III такой его территориальный титул, включавший указание на 9 объектов, оставался неизменным.

В каких же документах он употреблялся? В грамотах внутренних, нормы которых не выходили за пределы Русского государства, такой титул был употреблен единственный раз - в докончании 1504 г. первого и второго сыновей Ивана III Василия и Юрия. Значение этого скромного на первый взгляд соглашения было чрезвычайно важным. Речь в нем шла об отказе Юрия и его потомства от притязаний на стол великого княжения всея Руси. Правителями государства могли быть только Василий, его дети и внуки. Дело шло о формировании самодержавной монархии, поэтому договор был заключен по повелению Ивана III, который и титуловался в нем наиболее торжественно и полной[53].

Гораздо чаще рассматриваемый титул Ивана III встречается в документах внешнеполитических. Как показывает анализ посольских книг и различных дипломатических документов двух последних десятилетий XV - начала XVI вв., такой титул употреблялся в договоре Ивана III с Максимилианом, тогда еще королем римским, от 16 августа 1490 г.[54], в верительной грамоте ему же от 6 мая 1492 г.[55], в более поздних посланиях Ивана III к Максимилиану: послании от 10 января 1493 г.[56], послании от 15 мая 1504 г.[57], другом послании от 15 мая 1504 г.[58], послании от 19 июня 1505 г.[59]; в послании от 5 января 1493 г. Ивана III к австрийскому эрцгерцогу Сигизмунду[60]; в послании Ивана III к сыну уже императора Максимилиана I кастильскому королю Филиппу I от 19 июня 1505 г.[61]; в инскрипции грамот Максимилиана к Ивану III от 22 апреля 1491 г.[62], от 2 июня 1491 г.[63], в адресе грамоты от 7 июля 1492 г.[64], в адресах грамот от 6 и 12 августа 1502 г.[65]; в адресе дипломатического послания Ивану III эрцгерцога австрийского Сигизмунда от 2 июля 1493 г.[66]; в адресе дипломатического послания от 13 октября 1505 г. сына Максимилиана I Филиппа к Ивану III и его соправителю сыну Василию[67]; в верительной грамоте от 6 мая 1492 г. Ивана III к курфюрсту Саксонии Фридриху[68]; в подорожной посольской грамоте от января 1493 г. и в верительной грамоте от мая 1493 г. к магистру Ливонского Ордена[69]; в подорожной посольской грамоте от мая 1493 г. магистру Прусского Ордена[70]; в верительных грамотах от 16 августа 1490 г. и от 6 мая 1492 г., адресованных бургомистру и ратманам города Нарвы (Ругодива)[71]; в двух верительных грамотах, помеченных теми же датами, городским властям Таллинна (Колывани)[72]; в двух подорожных посольских грамотах от августа 1490 г. и от мая 1492 г. бургомистру и ратманам города Любека[73]; в верительной грамоте от апреля 1493 г. к миланскому герцогу Джан-Мария Галеаццо[74]; в верительной грамоте от 25 мая 1493 г. к мазовецкому князю Конраду[75]; в верительной грамоте от февраля 1499 папе

римскому Александру VI[76] и в верительной грамоте от 29 ноября 1503 г. королю Польскому и великому князю Литовскому Александру русского посла Никиты Губы Семенова Маклакова, ведшего с польским королем переговоры о мире[77].

Вообще же, в сношениях с Польско-Литовским государством территориальный титул Ивана III стал употребляться в дипломатических документах только после смерти польского короля Казимира IV, с 1493 г.[78] Однако в такой титул включались названия не 9 земельных объектов, а 8: по неизвестной причине постоянно опускалось определение «и Вятский». Такой 8-объектный титул нашел отражение в русско-литовском договоре 1494 г.[79]; в проектах договорных грамот 1503 г.[80]; в верительных грамотах московского правительства к Александру I[81]; в верительной грамоте князю Василию Михайловичу Верейскому[82]; в посланиях Ивана III к своей дочери, великой княгине Литовской, а с 1502 г. и королеве Польской, Елене[83]; в адресованных ей же верительных грамотах[84]; в указной грамоте наместникам Ивана III о свободном проезде представителей Любутска[85]; в подорожной грамоте от 23 января 1495 г. полоцкому наместнику[86]; в опасной грамоте от 27 августа 1502 г. Яну Выдре, представителю епископа Войтеха[87]; в опасных грамотах января 1503 г. послам польского короля[88]; в опасной грамоте послам Ливонского Ордена[89]; в инскрипции в грамотах Александра к Ивану III[90]; в инскрипции в грамотах его жены Елены, дочери Ивана III, своему отцу[91]; в переговорных грамотах с королем Александром от 1503 г.[92]; в послании к Ивану Сапеге[93]; в подорожных посольских грамотах, составленных от имени Ивана III, к властям Смоленска[94] и к властям Вильны[95]; в послании от 31 августа 1503 г. Ивана III своим послам в Литву[96].

Территориальный титул Ивана III писался в грамотах к турецкому султану и его сыну, но там он имел совсем иной вид: «Иоан, божиею милостию един правый государь всеа Руси отчич и дедич и иным многим землям восточным и северным государь и велики князь»[97].

Совершенно отсутствовало упоминание земель, на которые распространялась власть Ивана III, в грамотах к крымскому[98] и казанскому[99] ханам, а также к ногайским ханам и мурзам[100].

Отсутствовал объектный титул Ивана III и в разнообразного вида актах, имевших хождение внутри Русского государства, за исключением названного выше договора 1504 г. будущего Василия III с братом Юрием.

Из сказанного следует, что территориальный титул Ивана III, зафиксированный на печати 1497 г., употреблялся в определенных видах дипломатических документов (договорах, дипломатических посланиях, посольских верительных и подорожных грамотах), направлявшихся Русским государством в различные государства Германии и Италии, владения Габсбургов, магистрам Прусского и Ливонского Орденов, городским властям Ругодива, Колывани и Любека, через которые проезжали русские послы к императору и итальянским государям, в редчайших случаях - в грамотах, адресованных в Польско-Литовское королевство.

Еще более точные данные могут быть получены при изучении третьей части полного титула Ивана III, зафиксированного на лицевой стороне печати 1497 г. Иван Васильевич представлен там как «господарь всея Руси». Однако в посланиях и грамотах, адресованных магистрам Прусского и Ливонского Орденов, городским властям Нарвы, Таллинна и Любека, Иван III постоянно фигурировал как «государь царь всеа Руси». Таким образом, титул «господарь (государь) всея Руси» сохранялся только в дипломатической переписке с королем римским, а с 1494 г. императором Священной Римской империи Максимилианом I, его сыном Филиппом, австрийским эрцгерцогом Сигизмундом, римскими папами, немецкими князьями (саксонским курфюрстом и мекленбургским герцогом) и миланским герцогом, позднее - с польско-литовским королем. Совершенно очевидно, что печать 1497 г., воспроизведшая данный титул, первоначально и предназначалась для скрепления русских дипломатических документов, адресованных соправителю императора, папе и князьям Германии и Италии.

Употребление этого титула начинается в русской дипломатической документации, насколько можно судить по сохранившейся ее части, с 16 августа 1490 г. О том, что данный титул стал вводиться в дипломатический обиход примерно с указанного времени, косвенно свидетельствует послание Ивана III к мекленбургскому герцогу Магнусу от 6 мая 1492 г., где в территориальном титуле московского правителя отсутствуют слова «и Болгарский»[101], хотя в написанных в тот же день грамотах к Максимилиану, городским властям Любека, саксонскому курфюрсту, бургомистрам и ратманам Нарвы и Таллинна они есть[102]. Очевидно, к весне 1492 г. не все сотрудники великокняжеской канцелярии усвоили новый титул Ивана III.

Показательно, что на 1490 г. приходится изготовление в Москве важной государственной печати. 19 августа 1490 г. к королю Максимилиану из Москвы было отправлено посольство, которое везло договорную грамоту о союзе Священной Римской империи и Русского государства, направленном против польского короля. Грамота была написана на пергаменте и должна была быть скреплена золотой печатью, что для русской дипломатической практики было делом не вполне обычным[103]. Княжеские договорные грамоты прежних времен скреплялись вислыми восковыми печатями, князей с Новгородом Великим - свинцовыми. Но к моменту отъезда посольства печать не была готова. В статейном списке отмечено, что Иван III «ялся за ними (т.е. за послами Юрием Траханиотом и Василием Кулешиным, везшими к Максимилиану договорную грамоту - *В.К.*) послати Юшка Малого, как поспеет печать золотая к грамоте; и послал за ними Юшка августа 26»[104]. Если текст грамоты был готов к 16 августа[105], то изготовление печати задержалось на 10 дней. Как явствует из более раннего посольского наказа, данного 22 марта 1489 г. Юрию Траханиоту, отправленного к императору Фридриху III, русский посол должен был нанять на службу или за жалованье «серебряного мастера хитрого, который умел бы большие суды делати да и кубки, да и чеканити бы умел и писати на судех»[106]. Очевидно, что Иван III нуждался в хорошем чеканщике и гравере.

Поскольку позднее в посольских наказах не говорится о приглашении в Москву «серебряного мастера хитрого», поручение Юрием Траханиотом было выполнено, и возможно, что такой мастер делал в июле-августе 1490 г. (Траханиот вернулся в Москву 16 июля 1490 г.[107]) золотую печать к русско-австрийскому договору. Следует заметить, что в одном русском документе, датированном 5 февраля 1488 г. и адресованном властям города Таллинна, сообщалось, что в Москву «хочет к нам ехати служить на наше жалованье Иван Рисинберг немчин серебряной мастер ... служити три годы» и содержалась просьба пропустить в Русское государство этого мастера[108]. Неизвестно, собрался ли в далекую Московию этот немецкий серебряный мастер, приехал ли туда, а если приехал, то когда. Но во всяком случае, Иоганн Ризенберг (или Розенберг?) может рассматриваться как возможный мастер, изготовлявший печати для Ивана III.

Обратимся к изображениям на печати 1497 г. О ее лицевой стороне судят прежде всего по рисунку, ясно видимому на красновосковой печати Ивана III, прикрепленной к договорной грамоте его сыновей Василия и Юрия от 16 июня 1504 г., поскольку печать на грамоте 1497 г. имеет, как уже говорилось, довольно значительную утрату, нет фрагмента, где были изображены голова и верхняя часть туловища всадника, а также голова коня. На печати 1504 г. четко виден повернутый вправо профиль всадника, его глаз и нос, приоткрытый рот. Однако обращает на себя внимание несоответствие поворота головы и поворота фигуры сидящего на коне человека. Туловище на печати изображено вполоборота. Обращение к подобной печати, скрепляющей жалованную грамоту Ивана III своим сыновьям Юрию, Дмитрию, Семену и Андрею на дворы в московском Кремле, показывает, что лик всадника там иной. Нет глаза и губ, на месте носа малозаметная черточка.

Договорная грамота от 16 июня 1504 г. несколько младше жалованной грамоты Ивана III четырем сыновьям, которая написана дьяком Даниилом Мамыревым, составлявшим зимой 1503 г. и завещание Ивана III[109]. Жалованная грамота является уточнением этого завещания. В ней указывается «ныне учиненная» улица в Кремле от Соборной площади до Никольских ворот. Поскольку строительные работы начинались обычно весной, жалованную грамоту следует датировать примерно апрелем-маем 1504 г. Печать на ней оказывается несколько старше печати грамоты от 16 июня 1504 г., что и видно при сравнении различных элементов этих печатей, более четких на печати жалованной грамоты, например, изображения двух волосков дракона, касающихся копья всадника, на лицевой стороне печати, двойных линий, отделяющих короны от орлиных голов, на оборотной стороне печати, и т. д. При сравнении печатей оказывается, что головы орлов на них имеют разные размеры. На печати весны 1504 г. длина левой головы орла составляет 4 мм, тогда как на печати июня 1504 г. - 3 мм. Но на последней печати видно, что эта голова орла ранее имела продолжение и была размером в 4 мм. Становится ясным, что печать при договорной грамоте от 16 июня 1504 г. является оттиском с перегравирован-

ной матрицы. Следовательно, первоначальный лик всадника запечатлен на печати, привешенной к жалованной грамоте Ивана III четырем сыновьям. Но там всадник лица не имеет. Оно прикрыто железной маской и повернуто к зрителю точно так же, как вся фигура всадника. Справа от головы всадника при увеличении виден развевающийся локон, который является ничем иным, как плюмажем. По-видимому, внимательное рассмотрение печатей и дало в свое время основание С.Я. Румовскому и Н.М. Карамзину утверждать, что на печати изображен не Георгий Победоносец, а некий ездок. Всадник в железной маске, причем в турнирной маске-визире, а не в боевой маске-хундкугеле, да еще с плюмажем русскими никогда не изображался. Совершенно очевидно, что резчиком печати был иностранец, хорошо знавший печати западноевропейских правителей XIII-XV вв. На этих печатях достаточно часто на лицевой стороне изображался сидящий на троне правитель со скипетром и державой в руках, а на оборотной - всадник в турнирных доспехах, в железной маске-визире, причем сопровождавшие такое изображение гербы свидетельствовали, что это тот же самый властитель[110]. Последний, таким образом, изображался и как мирный государь, творящий суд и управу, и как воитель, защищающий свои владения и захватывающий чужие. Такой правитель-завоеватель в западноевропейских турнирных доспехах и изображен на лицевой стороне печати 1497 г. Ивана III. Поэтому делается понятной твердая уверенность русских людей XVI-XVII вв., когда на прямые вопросы иностранцев относительно того, кто именно изображен на государственной русской печати XVI в., а все такие печати не только XVI, но и XVII в. прототипом имели печать 1497 г., и кого олицетворяет всадник, не Георгия ли Победоносца, четко отвечали, что изображен «государь на коне» или «великий государь наш»[111]. Очевидно, такое понимание изображения всадника на лицевой стороне печати восходит к представлениям конца XV в., и представлениям совершенно правильным.

Что касается оборотной стороны печати 1497 г., то там изображен двуглавый орел. Он явно копирует изображение двуглавого орла на оборотных сторонах печатей императоров Священной Римской империи Сигизмунда, Фридриха III, но особенно Максимилиана I. Головы орла изображены с хищными раскрытыми клювами, высунутыми языками, концы крыльев сильно приподняты, два ряда коротких перьев заканчиваются третьим рядом перьев, но уже длинных. Каждое такое перо рисуется с четко видимой продольной основой и короткими перпендикулярными основе перышками. Однако в отличие от габсбургского орла, русский двуглавый орел на печати 1497 г. имеет прямой, а не раздваивающийся хвост, а каждую из его двух голов украшает королевская корона.

Символика печати 1497 г., которая должна была скреплять документы, направлявшиеся соправителю императора, затем императору, его сыну и родственнику, римскому папе, князьям Германии и Италии, совершенно ясна. На лицевой стороне изображался великий князь всея Руси, но не сидящий на престоле, поскольку тогда его голову необходимо было увен-

чивать короной, однако даже королевская корона означала бы явно низшее положение русского правителя по сравнению с «братом» - германским императором, имевшим права возводить в королевское достоинство, а императорская корона русского монарха вызвала бы крайне негативную реакцию тех европейских государей, к которым направлялись русские дипломатические документы, скрепленные соответствующими буллами. Поэтому великий князь всея Руси был изображен на печати в несколько обезличенном виде и тем не менее вполне понятном для немецких и итальянских правителей - как воинственный властитель. Двуглавый орел на обороте печати наводил на прямые сравнения с печатями германских императоров, но две королевские короны над головами орлов означали, что обладатель печати - не император и в то же время не просто король. Он король вдвойне - как всея Руси, к которой, по мнению Ивана III, должен был быть отнесен принадлежавший королю Польскому и великому князю Литовскому Киев[112], и как правитель 9 территорий и еще «иных», среди которых, как писал в своей грамоте от 5 января 1493 г. эрцгерцогу австрийскому Сигизмунду Иван III, область «дальних земль нашего государства, иже есть под востоком на великой реце Оби»[113]. Очевидно, корона над одной головой орла соответствовала титулу Ивана III на лицевой стороне печати, корона над другой - его титулу на оборотной стороне печати. Таким образом, печать целиком соответствовала политическим и идеологическим устремлениям Ивана III, готового было принять королевскую корону из рук римского папы[114], но вовсе не из рук императора Священной Римской империи, с которым московский великий князь хотел быть в тесном родстве и строго равноправном военном союзе против польско-литовского короля[115]. В то же время печать была сделана по образцу императорских печатей Габсбургов, человеком, который прекрасно знал символику и правила геральдического оформления булл западноевропейских правителей. Изготовителя печати без преувеличения можно назвать выдающимся мастером граверного искусства. Его изображения всадника, дракона, двуглавого орла необычайно пропорциональны и красивы своей тщательностью. Тонко и скрупулезно выгравированы копыта коня, чешуйки и волоски, покрывающие тело дракона, его перепончатые лапы, голова, напоминающая головы китайских драконов. О клювах, головах и перьях орлов говорилось выше. Характерно, что художник XIX в., изготовлявший клише, по которому в 1813 г. была воспроизведена печать в «Собрании государственных грамот и договоров», даже имея перед глазами образец, не сумел повторить его полностью, огрубив или даже опустив многие тонкие детали рисунков лицевой и оборотной стороны печати. Иностранного гравера, трудившегося в Москве в конце XV в., по характеру его работы вполне можно сравнить с герольдмейстером и, очевидно, художником императора Священной Римской империи Леопольда I Лаврентием Хуреличем, побывавшим в Москве в 1655 г. и составившим в 1673 г. «Генеалогию» русских государей, украшенную многочисленными рисунками[116]. Возможно, что архивы Вены сохранили имя этого человека XV в., а

музеи мира - образцы его творчества. В этом отношении будущее сулит увлекательные разыскания.

Н.А. Соболева выявила 7 русских актов, к которым были привешены печати, аналогичные печати 1497 г. Два акта точно не датируются, три составлены позднее 1497 г., но один имеет более раннюю дату - 3 января 1497 г.[117] Очевидно, что рассматриваемая печать появилась не в 1497 г., а раньше. В этой связи обращает на себя внимание опубликованная в 1897 г. А.А. Чумиковым помеченная августом месяцем подорожная грамота, данная русским послам в «италийские страны» Мануилу Доксасу и Ивану Лисицыну Фрязинову и адресованная бургомистру и ратманам города Таллинна. Грамота была скреплена большой красновосковой «государственной», как писал издатель, печатью. Очевидно, что печать была такая же, что и на грамоте 1497 г. К сожалению, дата грамоты представлена в издании как «69(?)0», хотя в заголовке поставлен 149... год[118]. Изучавший грамоту Б.Н. Флоря, исходя из приведенных цифр, пришел к выводу, что в дате на месте десятков пропущена цифра 9 (любая другая цифра здесь не подходит, потому что до 1472 г. среди окружения Ивана III не было человека с именем Мануил), и грамота должна датироваться 1482 г.[119] Однако показанная в издании дата невозможна. Она могла оканчиваться или на 00, или на определенную цифру с нолем. Поскольку в грамоте в титуле Ивана III перечислены все 9 объектов его владений, грамота не могла быть написана ранее 1490 г. Особенности указанной в ней даты объясняются при обращении к дипломатическим документам. Как свидетельствуют крымские и литовские посольские книги, дата 7000 в них обозначалась как Ч и І, т.е. 90 и 10[120]. Грамота саксонскому курфюрсту Фридриху имела дату «въ л ѣто 6990 и 10»[121]. Ряд грамот 1492 г., адресованных королю Польскому и великому князю Литовскому Казимиру IV[122], городским властям Нарвы и Таллинна были датированы только месяцем и числом[123], другие просто не имели дат[124]. Очевидно, суеверные русские люди, ждавшие в 7000 году конца света, вместо мистической цифры 7000 писали другие. Поскольку Ч похоже на Ц, издатель документа А.А. Чумиков принял первое за последнее и дал цифру сотен. Но далее он раньше времени поставил вопросительный знак, который должен был заключать цифровой набор, что и ввело в заблуждение Б.Н. Флорю. На самом же деле грамота не имеет никакой ошибки в дате, она была написана в августе 1492 г. Привешенная к ней большая красновосковая «государственная», по определению А.А. Чумикова, печать являет собой факт наиболее раннего бытования подобной печати[125]. Таким образом, высказанная выше мысль о том, что печать жалованной меновной и отводной грамоты от июля 1497 г. Ивана III с волоцкими князьями Федором и Иваном Борисовичами должна была появиться, судя по территориальной части титула московского великого князя, не ранее августа 1490 и до 3 января 1497 г., находит свое подтверждение. Уже подорожная посольская грамота с 9-объектным титулом русского правителя, адресованная городским властям Таллинна и датируемая августом 1492 г., была скреплена новой печатью Ивана III.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] РГАДА. Ф. 180. Оп. 13. № 425. Л. 48 об.

[2] Там же. Л. 74 об.

[3] Древняя российская вифлиофика. Ч. 2. Изд. 2-ое. СПб., 1788. № 111. С. 294.

[4] Продолжение древней российской вифлиофики. Т. IV. СПб. 1788. С. 201-202. Знаком * отмечена ошибочная передача в данном издании текста печати 1497 г.

[5] ***Щербатов М.М.*** История российская от древнейших времен. Т. IV. Ч. II. СПб., 1784. С. 362-367.

[6] Там же. Т. IV. Ч. III. СПб., 1784. С. 248-250, 254.

[7] ***Карамзин Н.М.*** История государства Российского. Кн. 2. Т. VI. СПб., 1842. Изд. И. Эйнерлинга. Примеч. 98.

[8] Там же. Стб. 46.

[9] ***Афиани В.Ю., Козлов В.П.*** От замысла к изданию «Истории государства Российского» // ***Карамзин Н.М.*** История государства Российского. Т. I. М., «Наука». 1989. С. 524.

[10] Основную библиографию работ см. в кн.: ***Соболева Н.А.*** Русские печати. М., 1991. С. 215-216. Примеч. 6; ***Лукомский В.К.*** Круг ведомства департамента Герольдии. I. Хранение гербов государственных и императорского дома // История правительствующего Сената за двести лет. 1711-1911. Т. IV. СПб., 1911. С. 346. А.Л. Хорошкевич утверждает, что якобы еще в 1896 г. К.М. Попов высказал несогласную с мнением Н.М. Карамзина мысль о заимствовании изображения двуглавого орла от Священной римской империи - ***Хорошкевич А.Л.*** Герб // Герб и флаг России X-XX вв. М., 1997. С. 127. Однако К.М. Попов писал нечто совсем иное: «Софья Палеолог, последняя представительница исчезавшего царственного дома, вступившая в 1472 г. в брак с Иоанном III, по мнению русских принесла на Русь последние заветы павшей империи. По крайней мере тогда же Иоанн III заменил русский герб римским двуглавым орлом. Указанные притязания на единодержавие и византийское преемство нуждались в историческом оправдании.» - ***Попов К.М.*** Чин священного коронования // Богословский вестник, 1896. Май. С. 177-178. Из приведенного контекста совершенно очевидно, что под «римским двуглавым орлом» К.М. Попов понимал византийский герб, а отнюдь не германский, как пытается уверить своих читателей А.Л. Хорошкевич.

[11] ***Лихачев Н.П.*** История образования российской государственной печати // Биржевые ведомости. № 14843 от 15 мая 1915 г.

[12] ***Базилевич К.В.*** Внешняя политика Русского централизованного государства. Вторая половина XV в. М., 1952. С. 83-88 и примеч. 2, 3 на с. 88.

[13] Alef G. The Adoption of the Muscovite Two-Headed Eagle: A Discordant View // Speculum, vol. XLI, № 1. Cambridge Massachusetts. 1966.

[14] Собрание государственных грамот и договоров. Ч. 1. М., 1813. С. 333.

[15] Hellmann M. Moskau und Byzanz // Jahrbucher fur Geschichte Osteruropas. N. F. Wiesbaden, 1969. Bd. 17. Hf. 3.

[16] ***Соболева Н.А.*** Указ. соч. С. 195-209 и примеч. 1-89 на с. 215-219.

[17] Там же. С. 157-158. Не отмечена по меньшей мере одна из двух печатей, скреплявших грамоты Ивана III в Колывань (Ревель) - см.: ***Чумиков А.А.*** Неизданные русские акты XV-XVI вв. Ревельского городского архива // Чтения в Обществе истории и древностей российских. 1897. Кн. II. Отд. IV. С. 4. Одна из этих ревельских печатей, возможно, указана Н.А. Соболевой как опубликованная в 1880 г. -

Соболева Н.А. Указ. соч. С. 158. Судя по описанию, такая же печать скрепляла грамоту Ивана III от 22 августа 1503 г. к крымскому хану Менгли-Гирею - Сборник Русского исторического общества (далее - Сборник РИО). Т. 41. СПб., 1884. С. 483.

[18] ***Соболева Н.А.*** Указ. соч. С. 204, 202.

[19] Там же. С. 205-208.

[20] Там же. С. 217. Примеч. 35.

[21] ***Хорошкевич А.Л.*** Символы русской государственности. М., 1993. С. 27.

[22] Posse O. Die Siegel der deutschen Kaiser und Konige. Von Karl IV bis Friedrich III. Bd. II. Dresden, 1910. Taf. 52. № 1.

[23] ***Хорошкевич А.Л.*** Герб. С. 115-116.

[24] Там же. С. 140.

[25] Там же. С. 129. Подробнее об этом см. ниже.

[26] ***Лаушкин А.В.*** К вопросу о формировании великокняжеского титула во второй половине XV в. // Вестник Московского университета. Серия 8. История. 1995. № 6. С. 26-36.

[27] Памятники дипломатических сношений Московского государства с Польско-Литовским государством. Т. 1. 1487-1533 гг. // Сборник РИО. Т. 35. Изд. 2-е. СПб. 1892. С. 22.

[28] Памятники дипломатических сношений древней России с державами иностранными (далее - ПДС). СПб., 1851. Стб. 15.

[29] Там же. Стб. 16.

[30] Там же. Стб. 21.

[31] Там же. Стб. 20-22.

[32] Сборник РИО. Т. 41. С. 75.

[33] Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV-XVI вв. (далее - ДДГ). М.-Л., 1950. № 79. С. 295, 301; № 81. С. 315, 319; № 82. С. 322, 325.

[34] Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV-начала XVI вв. (далее - АСВР). Т. II. М., 1958. № 278. С. 186 (подлинник).

[35] Там же. № 279. С. 187 (подлинник).

[36] АСВР. Т. I. М., 1952, № 548.С. 425 (подлинник).

[37] ***Ключевский В.О.*** Курс русской истории // Сочинения. Т. 2. М., 1957. С. 122.

[38] ***Соболева Н.А.*** Указ. соч., № 20. С. 150; С. 154 (печать а) после № 30); №№ 38, 39. С. 157-158; № 43. С. 160. Относительно красновосковой печати великого князя Василия Дмитриевича Н.А. Соболева пишет, что это, скорее всего, печать тестя Василия великого князя Литовского Витовта - Указ. соч. С. 150, примеч. Это вполне возможно, поскольку пользование красновосковой печатью было исключительной прерогативой королей Польских и великих князей Литовских. Последние предоставляли специальными пожалованиями право пользования красным воском для печатей своим ближайшим родственникам. См.: ***Яковенко Н.М.*** Українська шляхта з кінця XIV до середини XVII ст. (Волинь і Центральна Україна). Київ., 1993. С. 102. Здесь же приведен и список таких «головных княжат» - Гедиминовичей (за исключением князей Четвертенских, относившихся к этой княжеской группе, но являвшихся Рюриковичами); ср. таблицу 1 на с. 95.

[39] ***Хорошкевич А.Л.*** Герб. С. 129.

[40] ***Флоря Б.Н.*** Русские посольства в Италию и начало строительства московского Кремля // Государственные музеи московского Кремля. Материалы и исследования, вып. III. М., 1980. С. 13; ср. Грамоты Великого Новгорода и Пскова. М.-Л., 1949. № 74. С. 133.

[41] ***Хорошкевич А.Л.*** Об одном из эпизодов династической борьбы в России в конце XV в. // История СССР. 1974. № 5. С. 131. Издание грамоты см.: ***Шмурло Е.Ф.*** Россия и Италия. Т. III. Вып. 1. СПб., 1911. С. 24; Barbieri G. Milano e Mosca nella politica del Rinascimento. Bari, 1957. P. 47.

[42] Полное собрание русских летописей (далее - ПСРЛ). Т. XVIII. СПб., 1913. С. 271.

[43] Сборник РИО. Т. 41. С.41.

[44] ***Бантыш-Каменский Н.Н.*** Обзор внешних сношений России (по 1800 г.). Часть вторая (Германия и Италия). М., 1896. С. 233.

[45] ПДС. Стб. 15.

[46] Там же. Стб. 165, 168-169.

[47] ***Хорошкевич А.Л.*** Об одном из эпизодов династической борьбы в России. С. 130.

[48] ПСРЛ. Т. 25. М.-Л., 1949. С. 331; Т. 28. М.-Л., 1963. С. 153.

[49] ***Хорошкевич А.Л.*** Об одном из эпизодов династической борьбы в России. С. 131. Обнародовать в той или иной форме свои притязания на Казанское ханство сразу же после ареста и отправления в русские пределы прежнего казанского хана Али-хана Иван III не мог потому, что хан и мурзы Ногаевой орды, находившиеся в тесном родстве с Али-ханом, уже осенью 1487 г. потребовали его передачи им и начали войну с Мохаммед Аминем - Сборник РИО. Т. 41. С. 82-84. Совершенно очевидно, что объявлять в это время свои претензии на Казанское ханство означало для Ивана III резкое обострение отношений с ногайцами, а, возможно, и с другими мусульманскими государствами.

[50] Сборник РИО. Т. 41. С. 77.

[51] ***Лаушкин А.В.*** Указ. соч. С. 35 и примеч. 66.

[52] ПДС. Стб. 35.

[53] ДДГ. № 90. С. 364, 366, 368.

[54] ПДС. Стб. 37.

[55] Там же. Стб. 84.

[56] Там же. Стб. 110.

[57] Там же. Стб. 119.

[58] Там же. Стб. 122.

[59] Там же. Стб. 133.

[60] Там же. Стб. 111I.

[61] Там же. Стб. 135.

[62] Там же. Стб. 66, 68.

[63] Там же. Стб. 70-71.

[64] Там же. Стб. 109.

[65] Там же. Стб. 118.

[66] Там же. Стб. 110.

[67] Там же. Стб. 129.

[68] Там же. Стб. 92.

[69] Там же. Стб. 114; Сборник РИО. Т. 35. С. 97-98.

[70] Сборник РИО. Т. 35. С. 100.

[71] ПДС. Стб. 59, 96-97.

[72] Там же. Стб. 60, 97.

[73] Там же. Стб. 46-47, 87.

[74] Бумаги Флорентийского центрального архива, касающиеся до России. Ч. II. М., 1871. С. 70.

[75] Сборник РИО. Т. 35. С. 95.

[76] ***Казакова Н.А.*** Грамота Ивана III папе Александру VI // Археографический ежегодник за 1973 год. М., 1974. С. 27.

[77] Сборник РИО. Т. 35. С. 440.

[78] Там же. С. 81.

[79] Там же. С. 125, 128, 129, 132, 133.

[80] Там же. С. 398, 424.

[81] Там же. С. 81, 139, 140, 144, 145, 165, 172, 174, 178, 201, 205, 213, 220, 235, 237, 250, 261, 289, 294, 301, 413.

[82] Там же. С. 211.

[83] Там же. С. 197, 411.

[84] Там же. С. 254, 274, 279, 415, 475.

[85] Там же. С. 155.

[86] Там же. С.214.

[87] Там же. С. 338.

[88] Там же. С. 359, 360, 363.

[89] Там же. С. 361.

[90] Там же. С. 159, 265, 296, 367, 435, 445, 455, 466, 468, 471, 472, 478.

[91] Там же. С. 367, 368.

[92] Там же. С. 398, 437.

[93] Там же. С. 427.

[94] Там же. С. 432-433, 434, 444, 465, 476.

[95] Там же. С. 444, 476.

[96] Там же. С.433, 438.

[97] Сборник РИО. Т. 41. С. 280, 281, 289, 293.

[98] «Менли-Гирею царю князь велики Иван, брат твой, челом бьет» - Там же. С. 55, 57, 75, 88, 115, 239, 347, 363, 370, 415, 423, 481, 498, 512, 520.

[99] «Магмед-Аминю, царю Казанскому, брат твой князь велики Иван велел тебе челом ударити» - Там же. С. 92.

[100] «От великого князя Ивана Мусе мырзе» - Там же. С. 90.

[101] ПДС. Стб. 88.

[102] Там же. Стб. 84, 87, 92, 96-97.

[103] Золотою печатью, кажется, была скреплена только грамота Ивана III к Захарию Скарье от 14 марта 1484 г. - Сборник РИО. Т. 41. С. 41.

[104] ПДС. Стб. 50.

[105] Там же. Стб. 38.

[106] Там же. Стб. 19.

[107] Там же. Стб. 24.

[108] Русская историческая библиотека. Т. 15. СПб., 1894. Стб. 7.

[109] ДДГ, № 91. С. 370; ср. № 89. С. 364. О дате завещания Ивана III см.: ***Каштанов С.М.*** Социально-политическая история России конца XV - первой половины XVI вв. М., 1967. С. 202.

[110] Воспроизведения таких печатей см. в указанном выше издании O. Posse.

[111] Подборку данных см.: ***Лакиер А.Б.*** Русская геральдика. М., 1990 (переиздание работы 1855 г.). С. 83-86; ***Янин В.Л.*** Актовые печати древней Руси X-XV вв. Т. 2. М., 1970. С. 36.

[112] ПДС. Стб. 73.

[113] Там же. Стб. 111.

[114] Там же. Стб. 10-11.

[115] Там же. Стб. 12, 17-18, 28-29, 32. О том, какое значение русские дипломаты придавали территориальному титулу своего государя, свидетельствует эпизод, рассказанный в послании к флорентийскому совету полномочного консула Флоренции при миланском дворе Пьеро Гвиччардини. В конце 1493 г. должна была состояться свадьба римского короля Максимилиана с Бьянкой, сестрой миланского герцога Джан-Марии Галеаццо. В это время в Милан прибыли послы Ивана III, которых в числе прочих пригласили на свадьбу. Но русские послы отказались присутствовать на свадьбе наследника императора Священной Римской империи, мотивируя это тем, что брачующиеся менее знатного происхождения, чем их государь, который, к тому же, «могущественнее королей Венгрии, Богемии и Польши» вместе взятых. «И дабы знаменитости ваши, - писал далее Пьеро Гвиччардини, - могли бы усмотреть, скольких мест он титулуется обладателем, прилагаю копию с верительной грамоты его послов к здешнему герцогу, переведенную с их наречия на латинский язык» - Бумаги Флорентийского центрального архива, касающиеся до России, ч. II, с. 227. Очевидно, что указание в территориальном титуле Ивана III на объекты его владений имело весьма весомый практический эффект в дипломатических делах того времени.

[116] ***Мыльников А.С.*** «Родословие» Лаврентия Хурелича // Памятники культуры. Новые открытия. Ежегодник. 1976. М., 1977; ***Белоконь Е.А.*** Родословие русских великих князей и царей, составленное австрийским герольдмейстером Лаврентием Хуреличем в 1673 г. // Родина. 1993. № 2.

[117] ***Соболева Н.А.*** Указ. соч. С. 157 (при жалованной несудимой грамоте братьям Пильемовым). Грамота издана - АСВР. Т. I. № 611. Оригинал грамоты хранится в РГАДА, ГКЭ, Ростов. № 5/10542.

[118] ***Чумиков А.А.*** Указ. соч. С. 4.

[119] ***Флоря Б.Н.*** Указ. соч. С. 12-13.

[120] Сборник РИО. Т. 41. С. 120, 129, 135, 148, 156; Т. 35. С. 53, 56, 61,68.

[121] ПДС. Стб. 93.

[122] Сборник РИО. Т. 35, с. 61.

[123] ПДС. Стб. 97.

[124] Там же. Стб. 87, 89.

[125] Показательно, что верительная грамота от 19 августа 1487 г. русских послов Дмитрия и Мануила Ралевых (последний - одно лицо с Мануилом Доксасом грамоты от августа 1492 г.) к миланскому герцогу Джан-Мария Галеаццо была скреплена «восковой, величиною с серебряный пятачек», по описанию Е.Ф. Шмурло, печатью. См.: ***Шмурло Е.Ф.*** Россия и Италия. Т. III. Вып. I. СПб., 1911. С. 24. Очевидно, в 1487 г. верительные грамоты в Италию скреплялись печатями меньшего размера, чем в 1492 г.

КУЧКИН Владимир Андреевич, доктор исторических наук, заведующим Центром истории Древней Руси Института Российской истории Российской Академии наук, г. Москва.